
ИДЕИ И ПРАКТИКА

Д.В. ЕФРЕМЕНКО*

**ОБРЕТАЯ УВЕРЕННОСТЬ
В СОБСТВЕННОМ ПРОШЛОМ.
РОССИЙСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ НА НОВОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ РАЗВИЛКЕ¹**

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в российской политике памяти на рубеже 2010–2020-х годов, соотношении сил мнемонических акторов, внешних условиях и внутренних модальностях борьбы за политическое использование исторического прошлого. Нараставшие на протяжении почти всего второго десятилетия XXI в. напряженность и конфликтный потенциал в отношениях России с коллективным Западом к настоящему моменту вылились в многофакторную конфронтацию, в которой коллективная идентичность россиян, ключевые элементы исторического нарратива и коллективной памяти, отвечающие на базовые вопросы политики идентичности – кто мы, откуда и куда мы идем, – подвер-

---

* **Ефременко Дмитрий Валерьевич**, доктор политических наук, заместитель директора, главный научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: efdv2015@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Основные тенденции трансформации мемориальной культуры и коммеморативных практик в России (конец 2010-х – начало 2020-х годов): комплексный междисциплинарный анализ» (государственный номер 122101100024–8), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

гаются решительной проверке на прочность. Показано, что доминирующей тенденцией политики памяти становится секьюритизация, но при этом поддерживаемый государством исторический нарратив проработан далеко не полностью. Информационно-психологическая и мнемоническая борьба на международной арене и внутри страны побуждает федеральную власть основное внимание уделять в первую очередь причинам и результатам Второй мировой войны, обстоятельствам вступления в нее СССР, его решающей роли в победе над фашизмом, а также истории российско-украинских отношений. При этом секьюритизация официального исторического нарратива включает в себя законодательскую работу, в том числе поправки в Конституцию РФ, принятие «мемориальных» законов, ужесточение и расширение сферы деятельности законодательства об «иностранных агентах», а также правоприменительную практику, итогом которой становится изменение конфигурации и соотношения сил мнемонических акторов. Во второй части статьи рассматривается проблематика политического использования прошлого в условиях Специальной военной операции, включая политику памяти в регионах, включенных в состав РФ на основании поправок в Конституцию, принятых 4 октября 2022 г.

Ключевые слова: макрополитическая идентичность; политика памяти; мнемоническая борьба; мнемонические акторы; Конституция РФ; законодательство об «иностранных агентах»; мемориальные законы.

Для цитирования: Ефременко Д.В. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 15–45. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.01>

Рубеж 2010–2020-х годов в настоящее время представляется чем-то вроде краткой интермедии, предваряющей начало великих потрясений. Такой взгляд, однако, не совсем точен, поскольку очевидно, что и принятие принципиального решения о подготовке специальной военной операции (СВО), и проработка конституционных изменений, рассчитанных на обеспечение устойчивости российской власти в экстремальных условиях, и значимые сдвиги в российской политике памяти восходят к 2019–2020 гг., если не ранее. Еще один «внеплановый» шок – пандемия COVID-19 – оказала на российское общество и государство разнонаправленные воздействия, но общим знаменателем стало «упреждающее» втягивание в чрезвычайную ситуацию и переживание связанного с ней стресса практически всеми социальными группами. В этой оптике можно говорить о континууме многих событий и процессов до и после 24 февраля 2022 г. В то же время этот день является историческим и социально-психологическим водоразделом хотя

бы потому, что российское общество в основной своей массе не было готово к резкому переходу в новое состояние, связанное с началом военных действий на Украине и прокси-войной России и коллективного Запада.

В настоящей статье, носящей обзорный характер, в фокусе внимания будут значимые изменения в российской политике идентичности и политике памяти с 2019 г. до начала 2023 г. Одни из этих изменений можно рассматривать как промежуточный итог довольно длительных процессов, связанных с постсоветскими трансформациями, другие – как эмерджентные явления, предвещающие будущие далеко идущие события. Новый поворот... Не просто новый, а рубеж, преодоление которого открывает небывало широкий за последние три десятилетия диапазон сценариев дальнейшего развития с точки зрения социальной стабильности, функциональности системы государственного управления, устойчивости политического режима, суверенитета и территориальной целостности России. Говоря словами популярной песни автора, внесенного в 2022 г. в реестр физических лиц – «иностранных агентов»¹, «и не разберешь, пока не повернешь».

Тем не менее применительно к вопросам идентичности и исторической памяти уже сейчас можно идти дальше общих предположений, что их эволюция неизбежно отразит новый травматический опыт, связанный со специальной военной операцией и ее последствиями. Мы видим существенные сдвиги в исторической политике, соотношении сил мнемонических акторов, внешних условиях и внутренних модальностях борьбы за политическое использование исторического прошлого. Нараставшие на протяжении почти всего второго десятилетия XXI в. напряженность и конфликтный потенциал в отношениях России с коллективным Западом к настоящему моменту вылились в многофакторную конфронтацию, в которой коллективная идентичность россиян, ключевые элементы исторического нарратива и коллективной памяти, отвечающие на базовые вопросы политики идентичности – кто мы, откуда и куда мы идем, подвергаются решительной проверке на прочность. Одновременно разворачивается и более радикальная

---

¹ Минюст внес Макаревича, Шаца, Галямину и Гордееву в список иноагентов // РБК. – 2022. – 2 сентября. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/02/09/2022/631247ab9a7947e45b8150d3> (дата посещения: 21.01.2023).

трансформация мемориальной культуры. Нарративы борьбы с фашизмом и Великой победы 1945 г. все более интенсивно переплетаются с нарративами Специальной военной операции на Украине. Ряд сражений СВО происходят в тех же местах, что и во время Великой Отечественной войны. Можно говорить о быстром обновлении нарративов памяти о военных событиях, по мере того как фактическое состояние войны и его множественные последствия все больше становятся доминантой социальной жизни.

Последствия обрыва международного диалога по сложным вопросам истории

19 сентября 2019 г. Европейский парламент с подачи депутатов из Польши и стран Балтии одобрил резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». Принятие резолюции стало триггером резкой антагонизации диалога России и Запада по историческим вопросам, который накануне СВО оказался практически оборван. Резолюция, «уравнявшая» степень ответственности нацистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны, успешно завершила начатую десятилетием ранее кампанию ряда стран Центральной и Восточной Европы, направленную на закрепление за ними образа жертвы двух тоталитаризмов, релятивизацию местного коллаборационизма и соучастия в Холокосте. Однако резолюция 2019 г. пошла значительно дальше, *a priori* отказав в валидности официальной российской политике памяти, поскольку она нацелена на «искажение исторических фактов и обеление преступлений, совершенных советским тоталитарным режимом», является «опасной составляющей информационной войны, ведущейся против демократической Европы, направленной на раскол Европы»¹. Тем самым диалог на официальном уровне по вопросам исторического прошлого становился бессмысленным, а стремление России обсуждать вопросы европейской безопасности, делая отсылки к итогам Второй миро-

---

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. – 2019. – September 19. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 12.01.2023).

вой войны, блокировалось. Фактически путинская Россия как эпигон «советского тоталитаризма» становилась актором, отторгнутым из модернизированной европейской модели исторической памяти. Вполне реалистичную оценку геополитических последствий этой операции дает М. Ларюэль:

«Если Советский Союз не победил нацизм, а являлся равноценным ему злом, то Россия не имеет права голоса в европейских делах и не может претендовать на участие в европейских институтах. На самом деле мир в Европе и Европейский союз были построены на послевоенной идее – “это не должно повториться”, и Москва являлась одним из ее фундаментальных элементов. Подчеркивая победу, одержанную над нацизмом, Россия позиционирует себя как защитник определенной концепции Европы, победа 1945 г. подтверждает право России быть легитимным участником европейской политики» [«Олимпиада жертв исторической несправедливости», 2020, с. 134].

В резолюции Европарламента 2019 г. в духе культуры отмены выражалась обеспокоенность продолжающимся использованием в публичной и коммерческой сферах символики тоталитарных режимов, а также сохранением памятников и мемориалов, прославляющих эти режимы, «что создает почву для искажения исторических фактов о последствиях Второй мировой войны и пропаганды тоталитарного политического строя»¹. Фактически резолюция способствовала масштабированию действий властей стран Центральной и Восточной Европы по ликвидации мемориального наследия, прославляющего ратный подвиг советских воинов на территории этих стран. Каждая такая акция, даже будучи локальной, получала в России большой резонанс, что в конечном счете усиливало восприятие попыток наладить диалог Россия – Запад в сфере политики памяти как бесперспективного упражнения.

Активное сопротивление российской стороны² прокламированному Европарламентом нарративу о двух тоталитаризмах как главных виновниках Второй мировой войны давало определенные результаты на протяжении 2020 г., но по мере нарастания напря-

---

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. – 2019. – September 19. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 12.01.2023).

² См. статью А.И. Миллера в этом выпуске журнала.

женности вокруг Украины и фактического отказа коллективного Запада учитывать коренные интересы России в сфере безопасности происходила фактическая блокировка международного диалога по сложным историческим проблемам. Это привело к серьезным последствиям для мнемонической борьбы внутри самой России.

Достаточно длительное время российская политика памяти была адресована сразу нескольким аудиториям¹. И во многих случаях основными адресатами месседжей на темы исторического прошлого, исходивших главным образом от президента России В.В. Путина, были аудитории за пределами России. В этом смысле российская политика памяти вплоть до середины 2021 г. оставалась ориентированной на многосторонний диалог. Предполагалось, что в сфере исторической памяти с ключевыми западными партнерами по диалогу все еще сохраняется общая платформа, обращение к которой благоприятствует конструктивному обсуждению современных проблем и межгосударственных противоречий.

Наличие нескольких аудиторий способствовало определенной балансировке официального исторического нарратива, а также обеспечивало большую степень устойчивости тем внутрироссийским акторам мнемонической борьбы, которые могли рассчитывать на существенную международную поддержку. Обрыв международного диалога по сложным вопросам исторического прошлого не просто привел к «монологизации» официального исторического нарратива, но и снял важные преграды к решительному изменению государством расстановки сил на внутренней арене мнемонической борьбы.

«Прорыв памяти», «историческая уверенность» или «преступления против истории»?

Н.В. Эппле в книге «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах», опубликованной в 2020 г., высказал убеждение, что страна находится на пороге «прорыва памяти», когда будет достигнут кумулятивный эффект «солидаризации усилий всех общественных сил, заинтересованных в полноценной проработке советского прошлого»

---

¹ См. статью А.И. Миллера в этом выпуске журнала.

[Эппле, 2020, с. 14]. По мысли Эппле, итогом такого рода качественного скачка могло бы стать возникновение социального института по проработке «неудобного» прошлого, вполне автономного по отношению к государственной политике памяти или даже ей оппонирующего. Ретроспективно подобная оценка может показаться преувеличенной, объяснимой специфической абберацией зрения автора, глубоко погруженного в свой предмет. Однако некоторые события начала 2020-х годов подтверждали, что в сфере мнемонической борьбы действительно возможны примечательные сдвиги. Так, документальный фильм Ю.А. Дудя¹ «Колыма – родина нашего страха» (2019) набрал более 20 млн просмотров на авторском YouTube-канале, основную часть аудитории которого составляет молодежь². Критические высказывания рэпера А.Т. Моргенштерна (Валеева)³ о неоправданности расходов на торжественное отмечание Дня победы и его сомнения относительно значимости этого праздника в современных условиях оказались достаточно авторитетными⁴ для части поколения Z, условное обозначение которого демографами⁵ в контексте потрясений 2022 г. наполнилось новыми смыслами. Инициатива «Последний адрес», конкурирующая с политикой государственных структур относительно памяти о жертвах сталинских репрессий, к началу 2020-х годов еще могла

---

¹ 15 апреля 2022 г. внесен Министерством юстиции РФ в реестр «СМИ – иностранных агентов».

² Следует отметить, что аудитория этого фильма все же не является единой. Как показал анализ комментариев зрителей фильма в социальных сетях, проведенный Д.О. Хлевнюк и А.С. Максимовой, есть основания говорить о наличии двух нарративов – нарратива травмы, вызванной нарушением гражданских прав в сталинскую эпоху, и нарратива травмы, вызванной нарушением социально-экономических прав в позднесоветскую и постсоветскую эпохи [Хлевнюк, Максимова, 2021]. Различие в этих нарративах существенным образом влияет на оценки зрителями фильма и его интерпретации.

³ 6 мая 2022 г. внесен Министерством юстиции РФ в реестр «физических лиц – иностранных агентов».

⁴ Моргенштерн разоблаченный, или Еще раз о Великой Победе // ВЦИОМ. – 2021. – 21 ноября. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/morgenshtern-razoblachennyi-ili-eshche-raz-o-velikoi-pobede> (дата посещения: 21.01.2023).

⁵ Dimmock M. Defining generations: Where Millennials end and post-Millennials begin // Pew Research Center. – 2019. – January 17. – Mode of access: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (accessed: 12.01.2023).

рассматриваться как пример достаточно успешной наступательной стратегии на поле мнемонической борьбы [Веселов, 2020].

Тем не менее доминирующий тренд состоял в том, что власть последовательно расширяла доступный инструментарий в сферах воздействия на общественное мнение, включая и ограничительные механизмы. Наиболее значимым среди последних стало законодательство об иностранных агентах, в своих истоках восходящее к американскому опыту конца 1930-х годов (Foreign Agents Registration Act / FARA), но, разумеется, адаптированное к современным реалиям и задачам российской власти. Принятые в 2012 г. на волне борьбы с «белоленточным» движением поправки к Закону «О некоммерческих организациях» заложили юридическую основу маркировки НКО, занимающихся политической деятельностью и привлекающих финансирование из зарубежных источников, в качестве «иностранных агентов». Фактически на начальном этапе функционирования российского законодательства об «иностранных агентах» значительная часть такого рода НКО была поставлена перед выбором: будучи стигматизированными, продолжать функционировать, опираясь на зарубежные источники финансирования, либо воспользоваться вновь открывшимися возможностями финансирования за счет внутренних источников (в том числе в рамках конкурса президентских грантов) и, избавившись от угрозы присвоения ярлыка иноагента, взаимодействовать с государственными структурами в режиме контролируемой лояльности [Daucé, 2015].

В отношении влиятельных мнемонических акторов законодательство об иностранных агентах было в первую очередь применено к правозащитному центру «Мемориал» (2013), действовавшему в составе «Международного Мемориала» – зонтичной структуры, состоявшей из нескольких компонентов с неодинаковыми юридическим статусом, задачами и территориальной локализацией. В октябре 2016 г. в реестр иностранных агентов был включен весь «Международный Мемориал»; аналогичная участь постигла и семь его региональных отделений. В этом статусе он продолжил свою деятельность до начала 2020-х годов, не переходя на позиции контролируемой лояльности в отношениях с российским государством и не меняя общего подхода, когда научно-историческая и просветительская работа сочетается с правозащитной активностью и критикой власти по принципиальным пробле-

мам внутренней и внешней политики. В целом «Мемориал» продемонстрировал высокую степень сопротивляемости и способности оппонировать государственным структурам как в правовом поле (помимо энергичного оспаривания статуса иноагента, это активная позиция в судебных процессах Ю.А. Дмитриева и О.С. Титиева), так и в пространстве публичной коммуникации.

В мнемонической сфере «Мемориал» представлял собой очень серьезного конкурента для созданных и действующих при поддержке государства Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества. Большое количество региональных отделений, архивы, электронные базы данных и библиотека, представляющие немалую ценность для исследователей проблематики политических репрессий [Харитонов, 2016], музеев, обширная издательская деятельность [Путилова, 2015], устоявшийся формат работы с молодежью, многообразные сетевые ресурсы, глубокая интегрированность в транснациональные сети гражданского общества [Florini, 1999] – вот далеко не полный перечень ресурсных возможностей «Мемориала». Не следует забывать и о таком факторе, как число активистов, участвовавших в тех или иных проектах «Мемориала»: например, в Пермском крае (до 1 декабря 2005 г. – Пермской области) количество активистов в лучшие годы, согласно оценке местного эксперта, могло превышать 20 тыс. человек [Малинова, 2023, с. 250]. Разумеется, картина по регионам была неоднородной, во многих из них количество активистов «Мемориала» многократно уступало пермским показателям. И все же по некоторым параметрам РИО и РВИО даже сейчас не дотягивают до уровня «Мемориала».

Тем не менее присвоение «Мемориалу» статуса иностранного агента продемонстрировало, что этот механизм стигматизации работает достаточно эффективно, позволяя изменить соотношение сил в рамках мнемонической борьбы внутри России. Помимо реальных ограничений в плане функционирования и серьезных санкций за несоблюдение соответствующего законодательства, он создает проблемы в рамках сетевого взаимодействия, заставляя потенциальных партнеров или спонсоров стигматизированного актора оценивать явные и неявные риски сотрудничества (вплоть до опасности самому получить статус иноагента).

Присвоение актору статуса иностранного агента влияет и на восприятие связанных с ним нарративов. В случае «Мемориала»

это особенно значимо, поскольку с конца 1980-х годов в силу своих заслуг и влияния он до известной степени мог рассматриваться как референтная инстанция для мастер-нарратива [Halverson, Corman, Goodall, 2011] о политических репрессиях в СССР. Стигматизация через присвоение статуса иностранного агента может способствовать частичной компрометации нарратива. Однако в большей степени она «работает» на отрыв нарратива от актора, которому присвоен статус иноагента.

Наглядным тому примером может служить и кейс музея «Пермь-36». Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36» был создан в 1995 г. на месте Исправительно-трудовой колонии в деревне Кучино (Чусовской городской округ Пермского края), функционировавшей в 1946–1988 гг. Первоначально музей имел юридический статус Общества с ограниченной ответственностью (ООО «Мемориальный центр истории политических репрессий “Пермь-36”»); учредители – пермское отделение «Мемориала» и областная администрация), с 2001 г. – автономная некоммерческая организация (АНО). После смены региональной администрации в 2012 г. начался процесс изменения юридического статуса музея «Пермь-36», блокирования фактического влияния АНО и перехода музея под контроль государства. В апреле 2015 г. Министерство юстиции РФ потребовало от АНО «Пермь-36» зарегистрироваться в реестре иностранных агентов в связи с установленными в ходе проверки фактами получения зарубежного финансирования и участия в деятельности, имеющей политическую направленность. Не сумев достичь компромисса в переговорах с краевой администрацией и представителями федеральных структур, АНО приняло решение о самороспуске; его намерения масштабировать опыт организации музейной экспозиции и сопутствующих мероприятий, создав аналоги в других регионах, не были реализованы¹; музей продолжил функционировать в качестве институции, находящейся под полным государственным контролем. Однако предположения о том, что «огосударствление» музея – успешная контратака неосталинистов против либеральной и прозападной

---

¹ Павленко О. Преступления против истории. Как в России устанавливается монополия на «правильное» прошлое // Новая газета. – 2021. – 14 июля. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20211205123956/https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/11/prestupleniia-protiv-istorii> (дата посещения: 22.01.2023).

части гражданского общества [Sherlock, 2016, p. 47] или еще один шаг в реализации некой общей установки правящего режима на возрождение тоталитаризма [Kuzio, 2016] не находят однозначного подтверждения в контенте музейной экспозиции. Музей отчасти изменился, были сделаны усилия представить и «оборотную сторону медали» (например, дополнение экспозиции комнатой надзирателя), но при этом сохранил общее соответствие антисталинистскому и антитоталитарному нарративу [Малинова, 2023, с. 251]. Как ни парадоксально, «дополненный» при новом руководстве музея вариант экспозиции и публичная дискуссия вокруг этих событий более рельефно высвечивают факт глубокого раскола памяти о «неудобном» прошлом [Гизен, 2015]. Условно говоря, наличие «памяти узника» предполагает и наличие «памяти охранника», хотя признание обществом этого обстоятельства не означает отказ от социального выбора в пользу одного из нарративов.

Очевидно, что власти в данном случае стремились не к смене нарратива, а к установлению полного институционального контроля, который, впрочем, не исключает дальнейшей коррекции нарратива. В конечном счете власти заблокировали использование музея «Пермь-36» (и связанного с ним гражданского форума «Пилорама») в качестве площадки оппозиционной активности [Goode, 2020] и основы формирования региональной сети акторов [Хлевнюк, 2023, с. 372–373], критически настроенных в отношении не только советского прошлого, но и постсоветского настоящего.

В российском правовом поле принятие ряда мемориальных законов (подробнее см.: [Куликова, Кирносов, 2022]) и расширение сферы действия законодательства об иностранных агентах (закон № 327-ФЗ от 25.11.2017, вводящий понятие «СМИ – иностранный агент»; поправки 2018 г. к данному закону, распространяющие его действие на физических лиц; развитие этого законодательства в 2021–2022 гг.) сформировали юридическую основу для дальнейшего изменения расстановки сил мнемонических акторов, эксклюзивной защищенности одних исторических нарративов и ограничений – других. Однако решающее значение имели поправки в Конституцию, вступившие в силу 4 июля 2020 г., в числе которых появились и статьи Основного закона, затрагивающие проблематику ценностей и исторической памяти.

Как показывает О.Ю. Малинова, данные поправки стали итогом достаточно длительной символической борьбы [Малинова, 2021].

Вполне очевидно, что центральную роль в общем массиве конституционных изменений 2020 г. играли поправки о распределении полномочий и порядке формирования органов государственной власти. Но поправки, определяющие статус русского языка, подчеркивающие значение веры в Бога, постулирующие преемственность российской государственной традиции и защиту исторической правды, вводящие определение брака как союза между мужчиной и женщиной и т.д., не были ни простым довеском к изменениям на уровне вертикали власти, ни – тем более – способом отвлечения внимания от этих изменений. В общей совокупности всех конституционных новелл они выступили идейно-символическими маркерами политического поворота, масштаб которого в полной мере стал ясен в 2022 г. Однако и эта констатация не является исчерпывающей.

Конституционные поправки, касающиеся ценностей и меморической сферы, следует рассматривать как промежуточный итог процесса секьюритизации значимых аспектов макрополитической идентичности и исторической памяти, запущенный еще во второй половине 2000-х годов. При этом на рубеже 2010–2020-х годов скорость секьюритизации стала опережать темпы содержательного наполнения нарративного конструкта «национальной биографии» [Berenskoetter, 2014]. Так, принципиально важный тезис о единстве тысячелетней истории и преемственности в развитии Российского государства (ст. 67.2 Конституции РФ) оставляет нераскрытыми многие вопросы о механизмах сохранения целостности государственной традиции в условиях социокультурного раскола и краха государственности (в начале XVII в., в 1917 г. и 1991 г.) (см., напр.: [Ахизер, 1998]). Даже на уровне содержательной интерпретации отдельных этапов и событий российской истории секьюритизированный нарратив о преемственности в развитии Российского государства сохраняет большое количество «белых пятен». В этом смысле специфика современной ситуации состоит не в том, что российская власть при Путине вслед за политическими элитами многих стран Центральной и Восточной Европы стала на практике реализовывать установку *Memory must be defended*, а в том, что происходит это в условиях незавершенности российской версии «национальной биографии», и, следовательно, невозможности принудительной деполитизации [Mälksoo, 2015] всех ее содержательных компонентов.

Усилия власти, направленные на секьюритизацию в сфере исторической памяти, объяснялись прежде всего стремлением обрести «историческую уверенность»¹ и обеспечить через контролируемую интерпретацию прошлого дополнительную легитимность существующего социально-политического порядка. Однако, как уже было отмечено ранее, резкая активизация мнемонической борьбы на международном уровне, тесно связанная с обострением геополитической конкуренции на постсоветском пространстве, делала государственную политику памяти во многом реактивной, побуждая к приоритетному обращению к нескольким ключевым темам, из которых наибольшее значение придавалось причинам и обстоятельствам начала Второй мировой войны, роли в ней Советского Союза и ее итогам.

Сужение круга адресатов официальной политики памяти до, главным образом, внутренней аудитории вкупе с нарастанием международной напряженности подталкивало власти к более решительным шагам в реализации курса на секьюритизацию мнемонической сферы. Полутона в формулировке официальных позиций постепенно исчезали. В марте 2021 г. на круглом столе в Совете Федерации В.Р. Мединский призвал к разработке документа, утверждающего российскую государственную историческую политику², т.е., строго говоря, к документальному оформлению совокупности решений и мероприятий, реализуемых на протяжении более чем одного десятилетия.

В свою очередь, как российские независимые акторы, чаще всего оппонировавшие государству в мнемонической сфере, так и акторы, находящиеся вне российской юрисдикции, ужесточали

---

¹ Тезис об «исторической уверенности и уверенности в собственной культуре» был сформулирован китайским лидером Си Цзиньпином в отчетном докладе на XX съезде КПК (Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года // Министерство иностранных дел Китайской народной республики. – 2022. – 25 октября. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата посещения: 24.01.2023)).

² Мединский предложил создать документ по государственной исторической политике России // ТАСС. – 2021. – 30 марта. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/11028607> (дата посещения: 24.01.2023).

свои полемические подходы. В рамках транснациональных сетей гражданского общества формировался все более негативный образ официальной российской политики памяти. Показательным примером может служить доклад «Россия: “Преступления против истории”», выпущенный Международной федерацией за права человека (FIDH) [FIDH, 2021]. Основным автором доклада был российский юрист Г.В. Вайпан, позднее представлявший интересы «Мемориала» в ходе судебных разбирательств, итогом которых стала его ликвидация; соавтором, подготовившим 16 интервью с российскими историками, журналистами и правозащитниками, – директор направления Восточной Европы и Центральной Азии в FIDH И. Нузов. В докладе представлена обширная, но не всегда точная фактология, композиция которой призвана показать, что свобода исторического исследования в России все более ограничивается ради конструирования удобной властям модели исторического прошлого. Термин «преступления против истории» первоначально сформулировал бельгийский историк А. де Бэтс [De Baets, 2019]. Он имел в виду такие действия, как убийства или похищения людей, занимающихся историческими исследованиями, публичные оскорбления, клевета в отношении историков и их тенденциозные судебные преследования, преднамеренное уничтожение культурного наследия, дезинформация о прошлом, включающая отрицание фактов геноцида и цензуру исторических трудов. Авторы доклада, провозглашая приверженность этому подходу, значительно расширяют состав «преступлений против истории», трактуя их не столько в моральном, сколько в юридическом смысле. Перечень «преступлений против истории» они дополняют принятием мемориальных законов, а также иного законодательства, ограничивающего свободу действий независимых мнемонических акторов или отдельных высказываний на темы истории; учреждением при государственной поддержке псевдо-НПО, чья деятельность сфокусирована на проблемах исторической памяти; курсом на создание единого учебника истории, в котором, в частности, вступление СССР во Вторую мировую войну датируется 22 июня 1941 г.; ограничением доступа к архивным материалам; ужесточением ограничений на проведение памятных мероприятий; отсутствием или недостатком правовой защиты, материальной и / или символической компенсации жертвам репрессий советского периода и членам их семей [FIDH, 2021, p. 4]. При этом доклад

сохраняет фундаментальную неопределенность относительно оснований криминализации, а именно: являются ли преступными эти действия как таковые (и тогда их осуждение должно носить универсальный характер) или же их криминальная сущность обусловлена тем, что они исходят от российского государства?

Казус доклада FIDH служит характерной иллюстрацией усиления мнемонической борьбы с участием различных акторов внутри России и за ее пределами, и резонанса этой борьбы с нарастающим международным кризисом. С учетом этих обстоятельств имеет смысл рассматривать и решение судебных органов РФ о ликвидации «Международного Мемориала» и правозащитного центра «Мемориал» в качестве юридических лиц (29.12.2021). Это решение, несомненно, стало рубежом в политике памяти; оно предсказуемо столкнулось с международным осуждением на официальном уровне и своеобразной цепной реакцией в транснациональных сетях гражданского общества, в которые «Мемориал» глубоко интегрирован. Данное решение, очевидно, означало, что ранее осуществленное присвоение «Мемориалу» статуса иностранного агента ослабило его позиции, ограничило его возможности внутри страны (в особенности на региональном уровне), но не привело к удалению с поля мнемонической борьбы и даже не вынудило отказаться от роли актора, участвующего в дискуссиях по значимым общеполитическим вопросам. В то же время фактор мощной поддержки «Мемориала» за пределами России перестал играть прежнюю роль в условиях блокировки международного диалога по историческим проблемам.

Последнее стало совершенно очевидным после начала специальной военной операции. Присвоение «Мемориалу» Нобелевской премии мира 2022 г. уже не может содействовать смягчению жесткой линии в отношении этого актора; скорее, будучи интерпретировано российской «вертикалью власти» как дополнительный элемент мощнейшей информационно-психологической кампании Запада после начала СВО¹, оно станет лишним подтверждением

---

¹ То обстоятельство, что Нобелевская премия мира 2022 г. наряду с «Мемориалом» была присвоена украинской НПО «Центр гражданских свобод», созданной для правовой защиты участников Евромайдана, а после начала СВО занимающейся документированием российских «военных преступлений», и белорусскому правозащитнику А.В. Беляцкому, являющемуся активным оппо-

политической целесообразности устранения «Мемориала» с арены мнемонической и внутривполитической борьбы.

Наконец, после начала СВО почти калейдоскопически изменилась конфигурация мнемонических акторов, немалая часть которых, представляющая условно либеральный идеологический спектр, была маркирована в качестве иностранных агентов и экстремистских организаций; ряд СМИ и НПО фактически прекратили функционирование на территории России, а многие физические лица, в числе которых и так называемые «лидеры общественного мнения», выехали за рубеж. Осуществив релокацию (современный эвфемизм эмиграции), многие из этих акторов стремятся использовать все возможности сетевых медиа, чтобы доносить до российской аудитории свою точку зрения как о событиях прошлого, так и настоящего. Однако помимо эффекта отсутствия столь тесное переплетение нарративов о прошлом и настоящем приводит к тому, что основой их восприятия целевой аудиторией становится согласие или несогласие с позицией пораженчества.

Политика памяти на новых территориях

Интенсивность политики памяти на федеральном уровне ничуть не снизилась после начала специальной военной операции на Украине. Но к ней добавились некоторые дополнительные модальности.

Прежде всего, локальная политика памяти ДНР и ЛНР (еще до их включения в состав РФ) породила определенные коллизии с федеральной политикой памяти. Это было связано с гетерогенностью и многослойностью политико-идеологических и исторических обоснований сепаратизма от Украины и формирования государственности этих республик, их ориентации на присоединение к РФ. Помимо исходных установок Антимайдана можно выделить, по крайней мере, два основных нарратива, сформировавших своеобразную идейную полифонию «Русской весны» 2014 г. (и позднее, вплоть до 2022 г.):

– нарратив особой идентичности Донбасса, отражающей мультиэтнический состав населения при доминирующем русскоязычии, освоение региона в составе Российской империи вне политико-административной связи с малороссийскими губерниями, опыт государственности после революций 1917 г. (Донецко-Криворожская республика), альтернативный тем формам государственности, вокруг которых сформирован миф основания независимой Украины, представления о трудовом и ратном подвиге жителей Донбасса в период индустриализации 1930-х годов, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления;

– риторика о Новороссии, обосновывавшая ирредентистские устремления части политических сил и населения Юго-Востока Украины через гибридную идеологию противостояния Западу и радикальному украинскому национализму, социальной справедливости советского типа, различные вариации русского национализма, ценностный консерватизм, память о до- и послереволюционной истории региона как неотъемлемой части большого целого (Российской империи / СССР) [Бабкина, 2020].

За несколько лет существования ДНР и ЛНР в качестве непризнанных государственных образований, полностью зависимых от поддержки России, отдельные компоненты этого идеологического конгломерата выдвигались на первый план и затем на время уходили в достаточно глубокую тень, что объяснялось прежде всего (но не исключительно) изменениями в оценках Москвой возможностей имплементации Минска-2 и воздействия на украинскую политическую динамику. В результате большую степень устойчивости и пригодности для конструирования идентичности непризнанных республик продемонстрировали составляющие, отражающие советский опыт и в то же время сближающие ДНР и ЛНР с практиками политики памяти и идентичности в современной России. Обобщенно эта версия конструирования идентичности (сформировавшейся помимо ЛДНР и в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике) характеризуется в литературе как «сепаратистский интернационализм» [Voronovici, 2020]. Прямая отсылка к государственности Донецко-Криворожской республики, подчеркнутое почитание памяти ее видных деятелей, деятелей эпохи СССР и героев Великой Отечественной войны, максимально акцентированное противопоставление интернационалистских установок этнонационалистической политике памяти и идентич-

ности на Украине, упор на полиэтничность с одновременным признанием ключевой роли русского языка для сплочения макрополитического сообщества и его позиционирования как части «Русского мира» – вот основные составляющие политики идентичности в ДНР и ЛНР. При всей важности обращения к историческим и культурным связям с большой Россией, подлинной политической доминантой для местных властей становилось отталкивание от идеологии, нарративов и практик постмайданной Украины. В этой оптике Украина при П.А. Порошенко и В.А. Зеленском воспринималась не просто как «значимый другой», а как конституирующий враг, в каждодневном режиме создающий угрозы жизни и безопасности жителям непризнанных республик, отрицающий их право на выбор собственного будущего или даже право на расширенную автономию в версии Минска-2. Активно формировалась и новая политика памяти, ставящая в свой центр образы невинных жертв («Аллея ангелов» в Донецке) и ветеранов военных действий 2014–2015 гг., рассматриваемых как прямые продолжатели антифашистской борьбы 1941–1945 гг. Можно сказать, что квинтэссенция государственной политики ДНР и ЛНР до начала спецоперации – это лишь в меньшей степени *Ново-Россия*, но в определяющей – *анти-Украина*. Последнее, впрочем, не относится к украинцам как к этносу (с учетом немалой доли украинцев в составе населения и руководства ЛДНР), а к Украине как этнонационалистическому, прозападному и антироссийскому проекту нациестроительства.

Следует еще раз подчеркнуть, что политика идентичности и памяти в ЛДНР в 2014–2022 гг. была не внутренне гомогенным целым, а конгломератом, в котором присутствовали различные напластования и следы изменений политической конъюнктуры в Москве (наиболее яркий пример – быстрый переход от прославления И.И. Стрелкова (Гиркина) как лидера вооруженного сопротивления киевскому режиму и руководителя обороны Славянска к его маргинализации в российском информационном пространстве; сюда же можно отнести и недолговечную инициативу бывшего главы ДНР А.В. Захарченко о создании «Малороссии»), а также проявления идейной борьбы (скажем, более радикального антиукраинства такого деятеля «Русской весны», как П.Ю. Губарев). При этом общее направление усилий властей ДНР и ЛНР в части введения новых праздников, памятных дат, прославления героев борьбы с силами постмайданного режима в Киеве и почитания

жертв военных действий, подготовки учебников истории было направлено на формирование нарратива и укрепления идентичности, практически несовместимых с нарративами и идентичностью, возобладавшими на Украине после 2014 г. [Abibok, 2018]. Но в плане социально-психологического состояния социума Донбасса ситуация оставалась зыбкой, поскольку одновременно усиливалось разочарование в политике Москвы и властей республик, нарастала апатия и готовность принять любой устойчивый порядок, по крайней мере гарантирующий мирную жизнь [Токарев, 2021, с. 217–282]. Характеризуя настроения значительной части жителей ЛДНР на рубеже 2010–2020-х годов, исследователи Южного научного центра РАН, рассматривавшие данные социологических опросов и – в этнолингвистическом аспекте – нарративы сетевой коммуникации, так подытоживают свой анализ: «Россия предстает жестокой матерью, оставившей своих детей, ее любят, мучительно ждут и отчаянно ненавидят за это. Поэтому обращения к Москве варьируются в широком эмоциональном диапазоне – от выражения любви и благодарности до разного рода претензий, тяжких подозрений и призывов несчастий на головы тех, кто не понимает, до какого края терпения доходят жители Донбасса» [Внукова, Влашкина, 2021, с. 84].

В свете событий 2022 г. значение Донбасса в российской политике памяти и идентичности существенно возросло. Данный процесс не был связан исключительно с нарастающей геополитической напряженностью вокруг Украины, а также реакцией в России на действия украинских мнемонических акторов, которую уместно рассматривать как пример дилеммы мнемонической безопасности [Ефременко, 2022]. Позиция лидеров ДНР и ЛНР и их представителей находила широкое отражение в российских СМИ (в особенности – в политических ток-шоу на федеральных каналах, где украинская или околонуукраинская проблематика обсуждалась едва ли не в каждодневном режиме). Менялось и восприятие ситуации в республиках Донбасса: от понимания преимущественно инструментального характера государственных проектов ДНР и ЛНР к осознанию гуманитарного измерения, включающего и моральную ответственность за то, что сотни тысяч людей после заключения Минска-2 остаются в фактическом положении населения прифронтовой зоны либо становятся беженцами. Начало массовой кампании по принятию в российское гражданство жите-

лей непризнанных на тот момент республик еще более ускорило переопределение ситуации в Донбассе как трагедии, в которую российское общество вовлечено напрямую (либо – по крайней мере – обязано занять позицию солидарности с новыми согражданами). Как ни парадоксально, но в восприятии Донбасса как зияющей раны на теле «своего» государства между значительной частью общества в России и на Украине началось явное сближение (при диаметральной противоположности в оценках). И если для Украины «российская агрессия» и «донбасский сепаратизм» послужили мощнейшим акселератором нацистроительства в условиях неурегулированного конфликта и подготовки к новой войне, то и для России судьба Донбасса – пусть с намного меньшей скоростью – стала ускорителем значимых сдвигов в идеационной сфере и внутренней политике. Круг идей, озвучивавшихся до 2014 г., главным образом представителями Изборского клуба, ближе к началу 2020-х годов становился едва ли не информационным мейнстримом. Разумеется, эти изменения нельзя объяснить только фактором Донбасса, но он, несомненно, внес вклад в соответствующие процессы, дополняя влияние внутренних драйверов режимной трансформации.

После начала СВО почти все акты символической политики, монументальной пропаганды и политики памяти на территориях, включенных в состав РФ по итогам референдумов 23–27 сентября 2022 г., получали общероссийский резонанс. В частности, особое внимание привлекли усилия новых местных властей, направленные на то, чтобы обратить вспять постмайдаанный «ленинопад» [Соловьев, 2022]. В считанные недели после прихода российских войск памятники В.И. Ленину были восстановлены в Геническе, Мелитополе, Новой Каховке, Володарском, а решения об отмене переименований населенных пунктов, улиц и площадей, произведенных после 2014 г., подняли волну топонимической ресоветизации. Насколько можно судить, оперативность восстановления памятников была связана с тем, что скульптуры не были уничтожены, нанесенный им ущерб не был критическим и они складировались в известных новым властям местах. Есть примеры и весьма находчивой маскировки советского монументального наследия, как в случае памятника В.И. Чапаеву в селе Чкалово Запорожской области. Согласно информации телеграм-канала «Газета Правда», «когда на Украине развернулась так называемая декоммунизация,

жители села Чкалова пошли на хитрость, чтобы спасти от злобных рук бандеровцев памятник Чапаеву, чьим именем раньше назывался местный колхоз. Колхозники приняли решение спасти монумент, они и создали табличку, что статуя якобы установлена первому основателю сельхозпредприятия. И действительно, Павел Иванович Гаврилов тоже имел усы, похожие на чапаевские. Так, когда приезжала комиссия декоммунизаторов, скульптура не вызвала никакой реакции – Чапаев остался в сохранности»¹. В итоге после перехода региона под контроль России активистам Запорожского обкома КИРФ оставалось лишь инициировать установку нужной таблички.

Более стратегически значимыми можно считать решения о демонтаже памятников, отражающих украинскую националистическую мифологию. Отметим несколько акций по искоренению такого рода мемориального наследия:

– демонтаж памятника жертвам Голодомора и политических репрессий в Мариуполе (был установлен еще в 2004 г.);

– снос памятника «воинам-освободителям» ВСУ в форме герба Украины (сооружен в 2020 г.) в Мариуполе и установка на его месте памятника Александру Невскому (13 октября 2022 г.);

– демонтаж памятника «Небесной сотне» в Херсоне (флашток, установленный на постаменте памятника В.И. Ленину, уничтоженного в 2014 г.);

– снос памятника украинским пограничникам в Херсоне.

Наконец, явно проактивный характер в сфере политики памяти имели инициированная РВИО установка памятников П.А. Судоплатову в Донецке и Мелитополе, чьим уроженцем был этот незаурядный деятель советских спецслужб, присвоение имени Судоплатова добровольческому батальону, формируемому в Запорожской области, и улице в Мелитополе, которая в 2016–2022 гг. носила имя теоретика украинского интегрального национализма Д.И. Донцова. Глорификация Судоплатова, очевидно, связана с тем, что в символическом плане организатор физического устранения Е.М. Коновальца и Р.И. Шухевича представляет радикальную антитезу деятелям украинского националистического пантеона.

---

¹ Памятник Чапаеву сохранили // Телеграм-канал «Газета Правда», 14.02.2023 – Режим доступа: https://t.me/pravda_gazeta/2808 (дата посещения: 14.02.2023).

А в качестве уроженца Мелитополя Судоплатов видится фигурой, олицетворяющей непримиримую борьбу жителей региона с фашизмом и его украинскими пособниками. Согласно оценке члена научного совета РВИО Ю.А. Никифорова, в условиях СВО особенно востребовано то, «что разведывательные и контрразведывательные подразделения, которыми руководил Судоплатов, ставили целью не только физическое устранение противников, но и нейтрализацию враждебной – в том числе бандеровской – идеологии»¹. При этом, однако, глорификация Судоплатова во всероссийском масштабе усиливает тенденцию, характеризующуюся изменением оценок методов и действий других видных представителей сталинского репрессивного аппарата (в их числе и Л.П. Берия), когда основным критерием оценки становится эффективный вклад в укрепление мощи и геополитического влияния советского государства.

В целом действия в сферах символической политики и политики памяти после начала СВО явно далеки от системной стройности, но тем не менее они выявляют определенные тенденции. Прежде всего это решительное отрицание украинской политики памяти и символической политики постмайданного периода, фактический возврат к позиции непризнания их легитимности (даже вопреки признанию Москвой выборов президента Украины в мае 2014 г. и результатов всех последующих электоральных процедур в этой стране). Восстановление советских топонимов и нескольких объектов монументальной ленинианы – это, в первую очередь, реакция на «ленинопад» как символический разрыв с Россией и советским прошлым. Лишь в меньшей степени такая внешняя ресоветизация была обращением к тем группам местного населения, которые ностальгируют по стабильности и относительному благополучию позднесоветской эпохи. В то же время восстановление памятников Ленину не стало и не могло стать действием, направленным на сплочение всех сторонников СВО, в числе которых немало тех, кто критически относится к вождю большевистской революции и не связывает образ желаемого будущего России с советским опытом. И в любом случае крайне маловероятно, что эти акции были скрытой полемикой с президентом России

---

¹ Фахрутдинов Р. Военный историк: На Украине востребованы методы разведчика Судоплатова // Взгляд. – 2022. – 8 июля. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2022/7/8/1166817.html> (дата посещения: 26.01.2023).

В.В. Путиным, неоднократно осуждавшим политику национально-государственного строительства большевиков и их вклад в формирование территориального состава будущей «незалежной» Украины.

Снос мариупольского памятника жертвам Голодомора и политических репрессий, установленного в рамках политики памяти президента В.А. Ющенко, сфокусированной на интерпретации голода 1930-х годов как акта геноцида, направленного преимущественно против этнических украинцев [Касьянов, 2021], означает решительную борьбу и с этим базисным мифом украинского этнонационализма. Тот факт, что в 2022 г. Европейский парламент, парламенты Чехии, Бразилии, Румынии, Ирландии, Молдовы и Германии в качестве жеста поддержки режима в Киеве приняли резолюции о признании Голодомора геноцидом украинского народа, показывает необходимость четкой артикуляции альтернативной трактовки голода 1930-х годов и на уровне символической политики. В ином случае обвинения в попытке отрицания трагедий 1930-х годов будут воспроизводиться в регулярном режиме¹.

Как известно, репертуар российской символической политики и политики памяти последних лет достаточно активно использовался в ходе подготовки референдумов 23–27 сентября 2022 г. о присоединении к России Запорожской и Херсонской областей (для ДНР и ЛНР, находящихся в состоянии фактической войны с Киевом с 2014 г., в столь активном задействовании этих инструментов необходимости не было). В частности, в областном центре на правом берегу Днепра была размещена целая серия биллбордов «Херсон – город с русской историей», которые после отхода российской армии с территорий на правом берегу Днепра 11 ноября 2022 г. неизбежно подверглись глумлению и уничтожению. Соответственно, в процессе эвакуации, предшествовавшей отходу войск, были демонтированы и вывезены в безопасное место несколько памятников, напоминающих о связях Херсона с имперским и советским прошлым (памятники А.В. Суворову, Ф.Ф. Ушакову, Г.А. Потемкину, В.Ф. Маргелову), а также останки князя Потемкина, покоившиеся в Свято-

---

¹ См., напр., материал издания, выполняющего в РФ функции иностранного агента: В аннексированном Мариуполе демонтировали мемориал «Жертвам Голодомора» // Meduza. – 2022. – 28 ноября 2022. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20221202232809/https://meduza.io/news/2022/10/19/v-anneksirovannom-mariupole-demontirovali-memorial-zhertvam-golodomora> (дата посещения: 26.01.2023).

Екатерининском храме. Разумеется, в условиях ожесточения и морально-ценностной деградации, связанных с военными действиями, данное решение было абсолютно обоснованным, поскольку власти в Киеве одной из важнейших составляющих своей миссии видят радикальное избавление от российского (а также советского) историко-культурного и символического наследия. Стоит вспомнить, что прах Потемкина подвергался осквернению и в советское время в 1920-е годы (в период коренизации национальной политики), и во время нацистской оккупации, причем надругательство осуществляли украинские националисты¹.

Можно предположить, что при наличии политического решения и информационной поддержки прах и памятник светлейшему князю Потемкину-Таврическому, размещенные во временной локации, могут стать важными объектами политики памяти, ориентированной на акцентирование исторического значения Новороссии и, в частности, территорий, являющихся российскими в соответствии с Конституцией РФ, но контролируемые Украиной. В то же время эти объекты, если к ним будет открыт доступ, могут выступать и красноречивым напоминанием о военных неудачах в ходе СВО.

Уже осенью 2022 г. были предприняты шаги, направленные на интеграцию новых территорий и их крупных городов в единую ткань общефедеральной политики памяти. Показательным стало присвоение президентом РФ 15 ноября 2022 г. Мариуполю и Мелитополю почетных званий «Город воинской славы» со стандартной формулировкой «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества»². Хотя большинство городов воинской славы

---

¹ Скороход А. Князь Потемкин выстрадал покой // Мой город – Херсон. Режим доступа: <http://mycity.kherson.ua/avtory-ag/skorohod/knyaz-potemkin-vystradal-pokoj.html> (дата посещения: 26.01.2023).

² Указ Президента Российской Федерации от 15.11.2022 № 827 «О присвоении г. Мариуполю почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2022. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211150002> (дата посещения: 26.01.2023); Указ Президента Российской Федерации от 15.11.2022 № 828 «О присвоении г. Мелитополю почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы»» // Официальный интернет-портал право-

сыграли значимую роль в ходе сражений Великой Отечественной войны, такая формулировка дает возможность почтить ратный подвиг защитников Отечества всех времен, а в случае с Мариуполем и Мелитополем – подчеркнуть преемственность среди советских борцов с нацизмом и участников СВО. В то же время есть основания говорить и о наличии здесь полемики с символической и мемориальной политикой режима В.А. Зеленского, который еще 6 марта 2022 г. учредил почетное звание «місто-герой України», стремясь заявить о преемственности между советской практикой присвоения звания «город-герой» в память о подвиге городов в Великой Отечественной войне и новой практикой глорификации «отпора российской агрессии». Стоит отметить, что 6 марта Зеленский в числе прочих населенных пунктов присвоил это звание Мариуполю, на тот момент окруженному союзными войсками, Херсону, уже находившемуся под российским контролем, и Волновахе, спустя пять дней после опубликования указа занятой силами ДНР. Добавим, что в 2017 г. Донецку было присвоено звание «город-герой ДНР», а Луганску – «город-герой ЛНР».

Президент В.В. Путин указом от 15 ноября 2022 г. присвоил звание «город трудовой доблести» Луганску и Горловке, наряду с присвоением этого звания семи другим российским городам¹. Присвоение звания «город трудовой доблести» имеет четкую привязку к событиям Великой Отечественной войны. Стремление городских и региональных администраций добиться присвоения данного звания «своему» городу до последнего времени было особенно сильным в тех регионах, которые оставались в тылу сражений Великой Отечественной войны. Однако Луганск и Горловка находились в зоне активных боевых действий в 1941–1943 гг., и, соответственно, имеют основания претендовать на статус «города воинской славы». По всей видимости, в решениях относительно Луганска и Горловки доминировало стремление быстрее вписать

вой информации. – 2022. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211150003> (дата посещения: 26.01.2023).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15.11.2022 № 829 «О присвоении почетного звания Российской Федерации “Город трудовой доблести”» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2022. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211150004> (дата посещения: 26.01.2023).

важные городские центры новых субъектов Федерации в единую стратегию политики памяти.

Несмотря на внутреннюю противоречивость процессов расширения федеральной символической политики и политики памяти на новые территории, есть достаточно серьезные основания прислушаться к тем голосам, которые предсказывают Донбассу особую роль в дальнейшей трансформации российской макрополитической идентичности¹. Жители ЛДНР обладают коллективным опытом, которого на данный момент не имеют большинство граждан России. Если же к ним добавить сотни тысяч россиян, проходящих сейчас через горнило СВО, то, очевидно, мы становимся свидетелями формирования общественной когорты, активные представители которой будут претендовать на свою, выстраданную трактовку прошлого и будущего России и на возможность транслировать эти представления в социальную и политическую практику.

Заключение

Если попытаться обобщить рассмотренные процессы и тенденции, то появляется достаточно оснований говорить об изменениях макрополитической идентичности, связанных в том числе и с политикой памяти, «прорисовыванием» обновленного нарратива биографии российского государства и его усиливающейся секьюритизацией. Однако официальный исторический нарратив в финальной версии не сформирован полностью, тогда как нарастание внутренних рисков и геополитических вызовов побудили федеральные власти форсировать процессы секьюритизации исторической памяти, включая и принудительную «расчистку» арены мнемонической борьбы. В результате уже в период проведения СВО руководству страны пришлось обращаться к задачам содержательного наполнения секьюритизированного нарратива российской истории. Так, встречаясь 4 ноября – в День народного единства – с историками и представителями традиционных религий, президент РФ В.В. Путин заявил, что «дело чести государства, общества и,

---

¹ См., напр.: Полонский А. Российская политическая нация показала свои качества // Взгляд. – 2022. – 2 ноября. – Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2022/11/2/1184800.html> (дата посещения: 27.01.2023).

конечно же, историков – защищать и нашу подлинную историю, и наших героев, повышать качество исторического образования»¹. Ряд поручений президента РФ, подготовка дальнейших изменений в законодательной и нормативной базе, разработка образовательных стандартов и учебных курсов, активизация работы в сфере исторического просвещения и т.д. должны, очевидно, ускорить содержательное наполнение официального исторического нарратива. Вместе с тем федеральной властью запущены процессы, которые приведут к непосредственному обретению основными социальными группами российского общества нового исторического опыта. Именно этот опыт и станет основным индикатором валидности секьюритизированного исторического нарратива.

D.V. Efremenko*

Gaining certainty in our own past.

Russian identity and memory politics at a new historical fork

Abstract. The article examines changes in the Russian memory politics at the turn of the 2010 s-2020 s, the balance of influence of mnemonic actors, external conditions and internal modalities of the struggle for the political use of the historical past. Growing tensions and conflict potential in Russia's relations with the collective West have now escalated into a multifactorial confrontation in which the collective identity of Russians, the key elements of the historical narrative and collective memory answering the basic questions of identity politics – who we are, where we come from and where we are going to – are being decisively challenged. The author shows that securitization is becoming the dominant trend in the politics of memory, but at the same time, the historical narrative supported by the state is far from being fully completed. The information-psychological and mnemonic struggle both in the international arena and within the country encourages the federal government to focus primarily on the causes and results of the Second World War, the circumstances of the USSR's entry into it, its decisive role in the victory over fascism, as well as the history of Russian-Ukrainian relations. Meanwhile, the securitization of the official historical narrative includes legislative work, e.g. amendments to the Constitution of the Russian Federation, the adoption of «memorial» laws, the tightening and expansion of the scope of legislation on «foreign agents», as well as law enforcement practice, the result of which is a change in the mnemonic actors' configuration and balance of power. The second part of the

---

¹ Встреча с историками и представителями традиционных религий России. 4 ноября 2022 г. // Президент России. – 2022. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата посещения: 28.01.2023).

* **Efremenko Dmitry**, INION (Moscow, Russia), e-mail: efdvdv2015@mail.ru

article deals with the problems of the political use of the past in the context of the Special military operation, including the memory politics in the regions incorporated into Russian Federation based on amendments to the Constitution adopted on October 4, 2022.

Keywords: macropolitical identity; memory politics; mnemonic struggle; mnemonic actors; Constitution of Russian Federation; legislation on «foreign agents»; memorial laws.

For citation: Efremenko D.V. Gaining certainty in our own past. Russian identity and politics of memory at a new historical fork. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 15–45. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.01>

References

- Abibok Yu. On the way to creating the 'Donbas people'. Identity policy in the self-proclaimed republics in East Ukraine. *Centre for Eastern studies, Warsaw*. 2018, N 270, P. 1–8.
- Akhiezer A.S. *Russia: criticism of historical experience (social and cultural dynamics of Russia)*. Novosibirsk: Sibirskij Hronograph, 1998, Vol. 1, 804 p.; Vol. 2, 600 p. (In Russ.)
- Babkina E.A. The ideology of "Novorossiya" in the context of the historical policy of the self-proclaimed republics of Donbass. In: Miller A., Efremenko D. (eds). *Politics of memory in modern Russia and countries of Eastern Europe*. Saint Petersburg: Izdatelstvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, P. 591–609. (In Russ.)
- De Baets A. *Crimes against history*. London – New York: Routledge, 2019, 198 p.
- Berenskoetter F. Parameters of a national biography. *European journal of international relations*. 2014, Vol. 20, N 1, P. 262–288. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066112445290>
- Daucé F. The duality of coercion in Russia: cracking down on «foreign agents». *Demokratizatsiya: the journal of post-soviet democratization*. 2015, Vol. 23, N 1, P. 57–75.
- Epple N. *An inconvenient past: the memory of state crimes in Russia and other countries*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 576 p. (In Russ.)
- FIDH. *Russia: «Crimes against history»*. Paris: FIDH, 2021, June, N 770 a, 64 p.
- Florini A. (ed.). *The third force: The rise of transnational civil society*. Tokyo-Washington: Japan center for international change and Carnegie endowment for international peace, 1999, 295 p.
- Giesen A. Memory divided: representation of the conflict around «Memorial center "Perm-36"» in the Russian media. *Journal issledovanij socialnoj politiki*. 2015, Vol. 13, N 3, P. 363–376. (In Russ.)
- Goode J.P. Patriotism without patriots? Perm'-36 and patriotic legitimization in Russia. *Slavic Review*. 2020, Vol. 79, N 2, P. 390–411. DOI: <https://doi.org/10.1017/slr.2020.89>
- Halverson J., Corman S., Goodall H.L. *Master narratives of Islamist extremism*. New York: Palgrave Macmillan, 2011, 253 p.
- Kasyanov G.V. «Holodomor» as a subject of symbolic politics. In: Lapin V., Miller A. (eds). *Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe*.

- St. Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021, P. 268–288. (In Russ.)
- Kharitonova E.G. Information resources of public organizations: history, composition of funds, activities of the archive and library of the International Society “Memorial” (late 1980 s – 2000 s). *Obshchestvo. Sreda. Razvitie. (Terra Humana)*. 2016, Vol. 40, N 3, P. 21–26. (In Russ.)
- Khlevnyuk D.O., Maximova A.S. Birthplaces of our fear: Reception of Yuri Dud’s documentary «Kolyma» in social media. *Interakzija. Intervju. Interpretazija*. 2021, Vol. 13, N 4, P. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>
- Khlevnyuk D.O. Memory of repressions in Russian regions: four trends In: Miller A., Malinova O., Efremenko D. (eds). *The politics of memory in Russia – a regional dimension*. Moscow: Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2023, P. 366–400. (In Russ.)
- Kulikova S.A., Kirnosov I.D. Protection of historical memory as an institution of constitutional law: Russian and foreign experience. *Bulletin Saratovskogo universita. Novaya seria. Serii Economica. Upravlenie. Pravo*. 2022, Vol. 22, Iss. 1, P. 65–72. (In Russ.)
- Kuzio T. Between authoritarianism, fascism, and imperialism: exploring the new Putin regime: introduction to the special issue. *Communist and post-communist studies*. 2016, Vol. 49, N 1, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.12.002>
- Malinova O. Yu. Amending the Russian constitution as symbolic politics: 1993–2020. *Polis. Political studies*. 2021, N 3, P. 17–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03> (In Russ.)
- Malinova O. Yu. The politics of memory in the Urals and Western Siberia (the cases of the Perm, Sverdlovsk, Tomsk, Novosibirsk and Altai regions). In: Miller A., Malinova O., Efremenko D. (eds). *The politics of memory in Russia – a regional dimension*. Moscow: Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2023, p. 231–266. (In Russ.)
- Mälksoo M. 'Memory must be defended': Beyond the politics of mnemonical security. *Security Dialogue*. 2015, Vol. 46, N 3, P. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Putilova E.G. From the history of the formation and development of the publishing activities of the International Society "Memorial" (late 1980 s – 2000 s). *Obshchestvo. Sreda. Razvitie. (Terra Humana)*. 2015, Vol. 35, N 2, P. 42–47. (In Russ.)
- Sherlock T. Russian politics and the Soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin. *Communist and post-communist studies*. 2016, Vol. 49, N 1, P. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.01.001>
- Solovyov S. Symbolic re-Sovietization and grassroots patriotism. *Russia in global affairs*. 2022, Vol. 20, N 4, P. 165–180. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-165-180>.
- Tokarev A.A. Form and Dynamics of Secessions in the Post-Soviet Space: An Experience of Predictive Modeling. *Dissertation for the degree of doctor of political sciences*. Moscow, 2021, 486 p. Mode of access: <https://mgimo.ru/upload/2020/11/tokarev-diss.pdf> (accessed: 24.01.2023) (In Russ.)
- Veselov F.D. The last address: a non-state memorial project and the politics of memory in Russia. In: Miller A., Efremenko D. (eds). *Politics of memory in modern Russia*

- and countries of Eastern Europe*. St. Petersburg: Izdatelstvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, P. 202–231. (In Russ.)
- Victimhood Olympics. *Russia in global affairs*. 2020, N 4, P. 62–99. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-62-99>
- Vnukova L.B., Vlaskina T. Yu. Self-Identification of Donbass Residents in the context of socio-political views: social and linguistic aspect. *Bulletin Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021, N 463, P. 73–86. (In Russ.)
- Voronovici A. Internationalist separatism and the political use of «historical statehood» in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass. *Problems of post-communism*. 2020, Vol. 67, N 3, P. 288–302. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918>
- Yefremenko D. Memory as Casus Belli. *Rossiya v globalnoi politike*. 2022, Vol. 20, N 6, P. 119–141. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 1. – 804 с.; Т. 2. – 600 с.
- Бабкина Е.А.* Идеология «Новороссии» в контексте исторической политики самопровозглашенных республик Донбасса // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2020. – С. 591–609.
- Веселов Ф.Д.* Последний адрес: негосударственный мемориальный проект и политика памяти в России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы / под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 202–231.
- Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю.* Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 463. – С. 73–86.
- Гизен А.* Расколота память: отражение конфликта вокруг «Мемориального центра Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13, № 3. – С. 363–376.
- Ефременко Д.В.* Память как casus belli // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 6. – С. 119–141. – DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141>
- Касьянов Г.В.* «Голодомор» как субъект символической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 268–288.
- Куликова С.А., Жирнов И.Д.* Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, Вып. 1. – С. 65–72.

- Малинова О.Ю.* Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993–2020 // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 3. – С. 17–37. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03>
- Малинова О.Ю.* Политика памяти на Урале и в Западной Сибири (на примере Пермского края, Свердловской, Томской, Новосибирской областей и Алтайского края) // Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 231–266.
- «Олимпиада жертв исторической несправедливости» // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 2. – С. 110–146.
- Путилова Е.Г.* Из истории становления и развития издательской деятельности Международного общества «Мемориал» (конец 1980-х – 2000-е гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2015. – Т. 35, № 2. – С. 42–47.
- Соловьев С.М.* Символическая ресоветизация и низовой патриотизм // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 5. – С. 121–135. – DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-165-180>
- Токарев А.А.* Форма и динамика сецессий на постсоветском пространстве: опыт прогнозного моделирования: дис. ... д-ра полит. наук. – Москва, 2021. – 486 с. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/2020/11/tokarev-diss.pdf> (дата посещения: 24.01.2023).
- Харитонова Е.Г.* Информационные ресурсы общественных организаций: история, состав фондов, направления деятельности Архива и библиотеки Международного общества «Мемориал» (конец 1980-х – 2000-е гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2016. – Т. 40, № 3. – С. 21–26.
- Хлевнюк Д.О., Максимова А.С.* Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Кольма» в социальных сетях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 28–46. – DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>
- Хлевнюк Д.О.* Памяти о репрессиях в российских регионах: четыре тенденции // Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 366–400.
- Эппле Н.В.* Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 576 с.